

Сюй Минюэ отвернулась в сторону:

— Эта наложница не знает. Во всяком случае, видя тех женщин рядом с Вашим Величеством, эта наложница чувствует себя несчастной.

— Сюй Минюэ, Одинокий — император, рядом с ним никак не может быть только одна ты. Ты ревнуешь Одинокого — неужели надеешься умереть от этой кислицы?

— Ты!

Сюй Минюэ, казалось, была глубоко задета. Включив мгновенную реакцию, она прямо поднялась на ноги и в гневе бросилась к выходу.

Он схватил её за ту руку, что была цела:

— Попробуй-ка ещё раз поустраивать мне истерики.

— Раз уж Ваше Величество думает так, то и отправляйтесь к ним. Во всяком случае, эта наложница не может на это смотреть. — С этими словами она опустила взгляд.

— С чего это Одинокому раньше было не знать, что у тебя такой широкий круг интересов?

Хотя он и говорил так, на лице Чу Хуайчжи не было ни малейшего признака гнева — ведь это означало, что раньше Сюй Минюэ была к нему равнодушна, а теперь полюбила.

— Тогда пусть эта наложница вернется к прежнему облику.

— Только посмей!

Она не удержалась и прыснула со смеху, а её улыбка была прекрасна, как цветок.

Чу Хуайчжи поднял её на руки:

— Нравится смеяться, да? Сейчас на кровати смеху будет вдоволь.

Она испугалась:

— Эта наложница виновата, у этой наложницы еще рука болит.

— При чём тут боль в руке и исполнение супружеского долга?

— Ой, больно, больно, больно... Ты давишь на эту наложницу.

— Не ерзай.

— Ты снова давишь на эту наложницу, эта наложница рассердилась, эта наложница пойдет спать в боковой дворец.

И вот Сюй Минюэ так запросто упорхнула, оставив Чу Хуайчжи стоять в полном ошеломлении на прежнем месте.

Красавица, которая уже почти была в его руках, вот так исчезла?!

Пролежав половину ночи с закрытыми глазами, он всё равно не мог уснуть, а в голове стоял неотвязный образ Сюй Минюэ.

В темноте Сюй Минюэ крепко спала в покоях, совершенно не замечая, как кто-то толкнул дверь и вошел внутрь.

Пока не откинул одеяло и не прижался вплотную к ней. Сюй Минюэ проснулась от этого внезапного движения, испуганно попыталась закричать, но её рот зажала большая ладонь.

— Это Одинокий.

Она испугалась еще сильнее!

Когда её сердце немного успокоилось, Чу Хуайчжи убрал руку.

Она произнесла:

— Ваше Величество, от вашего тела так холодно, не могли бы вы отодвинуться от этой наложницы подальше?

Чу Хуайчжи:.....

Он нарочно обнял её еще крепче:

— Сюй Минюэ, ну-ка посмей еще раз сказать глупость.

Она обиженно протянула:

— Рука сильно болит.

Он лишился дар речи и немного ослабил объятия.

В комнате долго-долго стояла тишина, пока Сюй Минюэ уже не решила, что он почти уснул. Тогда он снова заговорил:

— Больше не буду тебя трогать, спи.

Для Сюй Минюэ эти слова звучали слаще любых любовных признаний.

А Чу Хуайчжи обнимал её, словно теплую игрушку. Чувствовать в объятиях нежное тело было куда приятнее, чем мгновением ранее.

Оба получили то, чего хотели, и провели ночь спокойно.

На следующий день солнце уже поднялось высоко, евнух за дверью тихо напомнил:

— Ваше Величество, пора на утренний совет.

На самом деле время уже прошло, это было лишь легкое напоминание — а уж станет ли он слушать, это его личное дело.

Разумеется, Чу Хуайчжи с закрытыми глазами бросил:

— Проваливай.

Евнух, привычный к такому делу, кубарем скатился вниз.

Сюй Минюэ же открыла глаза. Глядя на белый шелковый полог, она пошевелила рукой.

Раздраженный Чу Хуайчжи открыл глаза, в их уголках еще виднелись красные прожилки:

— Чего проснулась так рано, поспи еще.

С этими словами он попытался притянуть её к себе, но Сюй Минюэ произнесла:

— Ваше Величество, министры ведь ждут вас. Вы действительно не пойдете?

— Чего ради туда идти?

Сюй Минюэ сказала:

— Но эта наложница хочет снова приготовить для Вашего Величества сахарные пирожные. Если Ваше Величество продолжит спать, то не сможет их отведать.

Чу Хуайчжи закрыл глаза и ничего не ответил.

Сюй Минюэ продолжила:

— Если Ваше Величество уже второй раз пропустит сахарные пирожные, приготовленные моими собственными руками, эта наложница будет очень опечалена.

Чу Хуайчжи:.....

Он поднялся, массируя переносицу:

— Тогда иди.

Чу Хуайчжи про себя подумал: не ожидал, что она так сильно меня любит.

Сюй Минюэ села на постели:

— Тогда Ваше Величество заодно отправляйтесь на утренний совет, как раз вернетесь — и можно будет поесть.

Он лениво промычал в ответ. Сюй Минюэ поднялась, чтобы помочь ему одеться.

Чу Хуайчжи никак не мог взять в толк: что это вообще за стратегия такая? Хоть она и призналась, что любит его, но почему ему кажется, что он во всём потакает её желаниям?

Еще страшнее было то, что он вовсе не ощущал от этого никакого дискомфорта...

Наверное, это и есть искусство убеждения.

Другие: Ваше Величество, вы должны быть мудрым правителем и усердно посещать утренние

доклады!

Чу Хуайчжи: Увести и обезглавить.

Сюй Минюэ: Вернетесь с утреннего совета — и сможете отведать пирожные, которые я приготовила своими руками.

Чу Хуайчжи: Ладно, побалую тебя разок.

Министры прождали полтора часа, думая, что сегодня, как и всегда, утренний совет будет отменен, но никак не ожидали, что изнутри донесется:

— Прибыл император!

Все присутствующие замерли, словно пораженные молнией, таращась друг на друга во все глаза.

Обычно император никогда не ходил на доклады, каждый раз шесть министерств сами между собой подыскивали решения, и лишь когда выходов совсем не оставалось, они шли искать императора в кабинет. С чего это сегодня император пошел на утренний совет, нарушая все традиции?

Дел в государстве сегодня было немного, все сводилось к недавним распоряжениям насчет беженцев. Чиновники уже выработали контрмеры, и не успело пройти много времени, как доклад был окончен.

Чу Хуайчжи зевнул и лениво бросил:

— Если больше нет дел, совет окончен.

Но не успел он подняться, как снаружи, спотыкаясь и падая, вбежал евнух:

— Ваше Величество, Ваше Величество, стряслась беда!

— Ваше Величество! Подкрепление во главе с Великим полководцем, охраняющим государство, угодило в замок врага. Вот уже два дня о них ни слуху ни духу, судьба их неизвестна!

Бездонный взгляд Чу Хуайчжи впился в евнуха, правая рука крепко сжала государственную печать.

— Бац! — он швырнул печать вперед, и на ней остался скол.

— Никчемные твари, сплошь никчемные твари! Ничтожества, ничтожества! — Чу Хуайчжи обвел их пальцем. — Неужели во всем дворе больше не нашлось никого, кто смог бы дать отпор Хуа Цинъюй?!

Министры были охвачены крайним беспокойством, а разгневанный Чу Хуайчжи выпалил:

— Обычно каждый из вас только и делает, что ходит с озабоченным видом, а в решающий момент от вас никакой пользы! Думайте все до единого, а не придумаете план — отправлю вас, старых хрычей, прямиком на поле боя!

— Умерьте гнев, Ваше Величество!

Едва Чу Хуайчжи вернулся во дворец Сычэнь, Сюй Минюэ тут же заметила, что он не в духе — в конце концов, шкала его гнева на отметке в 80 единиц бросалась в глаза.

— Ваше Величество вернулись с совета? Отведайте сахарных пирожных, которые приготовила эта наложница. — Она услужливо поднесла угощение.

Снаружи была обыкновенная выпечка, но внутри прятались очищенные от косточек кислые сливы, так что на вкус получалось кисло-сладким.

Чу Хуайчжи с мрачным лицом попробовал одно, но настроение его лучше не стало.

— Что такое? Те министры снова рассердили Ваше Величество?

Он гневно бросил:

— Ренегаты трепали языком, что Великий полководец, охраняющий государство, непременно одержит победу, а теперь те додумались угодить в замок во вражескую засаду, попусту растратив элитные войска Одинокого!

Если бы у Великого полководца, охраняющего государство, и впрямь была такая мощь, то сейчас должна была бы снизиться шкала национальной мощи, но этого не произошло. Похоже, дело совсем не в нем.

— Ваше Величество — истинный Сын Небес, эта наложница верит, что Ваше Величество непременно сумеет обратить беду в удачу. Что же до дел на передовой, они меняются в мгновение ока, и мне, простой женщине, не разделить заботы государя. Впрочем, как говорится, придет время — и мост перейдем, старые сановники что-нибудь придумают.

— Да от них толку никакого, не то Хуа Цинъюй не бунтовала бы столько времени, и её давно бы сдержали!

— Дайте же им немного времени.

Сюй Минюэ мысленно потеряла дар речи: он сам, будучи главным начальником, палец о палец не ударяет, а министры и так дошли до такого преклонения перед делом — за это уже можно присвоить звание лучших передовиков труда, не так ли?

<http://bllate.org/book/18796/1826761>